

Глава 499: Дворец Ли развязывает колокольчик

Эта леди была важной служанкой поместья Сюй, Шуан'эр.

Уже прошло полтора года. Она казалась гораздо более спокойной и зрелой, а ее глаза тоже, как казалось, стали более умиротворенными.

Шуан'эр посмотрела мимо лампы на юношу... нет, его уже можно называть молодым человеком. По какой-то причине она становилась все более и более нервной, а ее крепко сжатые кулаки вспотели.

Она хотела что-то сказать и почувствовала, что должна была что-то сказать, прежде чем ее юная леди вернется в столицу. Потому что она осознала, что, как сказали ее хозяин и хозяйка, для юной леди эта свадьба могла действительно быть лучшим выбором. И все же... тогда произошло так много всего. Если бы это была она, она определенно все еще держала бы обиду.

Когда она сжала зубы и собралась говорить, Чэнь Чаншэн проходил перед ней. Он кивнул головой, а затем продолжил двигаться вперед к другой стороне каменной арки.

Не было возмущения, ненависти, высоко поднятой головы в гордости или скрежета зубов в злобе.

Это было очень спокойным, как прохожий, кивающий головой в приветствии какому-то человеку, которого он однажды встречал в каком-то месте и в какое-то время.

Шуан'эр была ошеломлена.

В это время Чэнь Чаншэн прошел мимо каменной арки.

Шуан'эр обернулась, поднимая руку, как будто хотела закричать, чтобы он остановился. Но, в конце концов, однако, она не сделала этого.

Когда она смотрела на его удаляющуюся фигуру, она почувствовала себя немного раздраженной.

Она нашла это немного сбивающим с толку. Почему ей показалось, что прошло не так много времени, но этот юноша и этот мир так сильно изменились?

Покинув поместье Божественного Генерала Востока, он последовал главной дорогой вперед, пока не достиг каменного моста.

Это все еще был тот самый каменный мост. Берега реки под мостом в палящей летней ночи были наполнены толпами, которые искали холода в тени. В речной воде не было павших листьев. Он стоял у края моста и повернулся, посмотрев на перевернутые карнизы поместья Божественного Генерала Востока. Он не говорил, не зная, что он и Шуан'эр испытывали одну и ту же эмоцию - прошло лишь полтора года с тех пор, как он появился в столице и прибыл сюда, чтобы разорвать помолвку, но почему казалось, что прошла целая жизнь?

В то время его основной целью ухода из деревни Синин и прибытия в столицу было участие в Великом Испытании, получение первого ранга на первом баннере, вход в Павильон Линъянь и поиск тайн бросания вызова небесам и изменения судьбы. Разрыв помолвки был просто чем-то, что он хотел сделать мимоходом. Конечно же, это было что-то, что он должен был сделать. Хотя он все еще не нашел метод бросить вызов небесам и изменить судьбу, вне всяких

сомнений, его судьба уже прошла через свирепые изменения. Но почему он все еще не смог разорвать эту помолвку?

Он покачал головой и пересек каменный мост, намереваясь решить это дело настолько быстро, насколько это возможно.

Тот, кто повесил колокольчик на шею тигра, должен развязать его, и расторжение помолвки следовало тому же принципу. Великий Министр и его жена давным-давно покинули этот смертный виток, а его учитель забрал его старшего товарища и исчез, как журавль среди облаков, так что он лишь мог просить третью группу, вовлеченную в вопрос этой помолвки.

Он направился во Дворец Ли.

Без какой-либо необходимости для предварительного уведомления, священники, стоящие на страже снаружи Дворца Ли, почтительно пригласили его внутрь. Они даже сопроводили его по вечному Божественному Проспекту, пока не достигли дворцового зала в глубинах Дворца Ли.

Дворец Ли в ночи был исключительно умиротворенным, а дворец, в котором находился Поп, был еще более тихим. Когда он довольно долго смотрел на много звезд в секции неба, отделенной четырьмя стенами черных карнизов, она действительно показалась похожей на отверстие глубокого и умиротворенного колодца.

В какой-то миг он удалил браслет каменных жемчужин с запястья.

Из умиротворенного дворца раздался звук журчащей воды. Он развернулся, вошел, и поклонился Попу, тому обычному старцу, поливающему Зеленый Лист.

«Боевой Дядя, в чем причина для всего этого?»

Чэнь Чаншэн в прошлом очень редко обращался к Попу, как к 'боевому дяде'. Он не делал этого не потому, что у него была фобия титула, а потому, что не совсем привык к этому. Однако, многие события, вовлекающие Ортодоксальную Академию, и те простые заявления Сюй Шицзи в поместье Божественного Генерала Востока вынудили его осознать, что как бы он не обращался к Попу, дела относительно него и Попа уже были неотделимы в глазах масс. Тогда лучше будет заранее привыкнуть к этому. Он был человеком, который сильно ценил свое время. Так как он принял это решение, он исполнит его.

Так же, как и этот вопрос, который витал в его разуме в течение очень долгого времени, и сейчас, когда он мог видеть Попа, он определенно сразу же спросит его.

Обращение 'боевой дядя' и вопрос немного удивили Попа, что заставило его издать смешок.

Чэнь Чаншэн спрашивал о конфликте между новыми и консервативными фракциями Ортодоксии, а также о тишине Дворца Ли в последние несколько месяцев.

«Все вы молоды. Хотя дела молодых людей нельзя считать тривиальными, если будет выявлена какая-то ошибка или какое-то уступающее место, всегда будет какая-то свобода действий или причина возместить эту недостачу».

Поп поднес деревянный ковш к бассейну воды. Он взял ткань, переданную Чэнь Чаншэном, и аккуратно вытер свои руки, говоря: «Но мы, старики, не можем. Молодые люди могут быть импульсивными и вспыльчивыми, но мы должны быть хладнокровными, даже апатичными. В глазах всех мы все - интриганы и расчетливые люди, но если сказать это более приятно, мы -

дальновидные люди с глубокими планами. Тогда все наши действия по необходимости никогда не являются действиями побуждений. Все, что мы делаем, должно иметь какой-то скрытый план, так что нам лишь нужно действовать, и дело запросто станет намного более серьезным, и теперь уже не будет места для ошибок».

Эти два утверждения были довольно фрагментарными, но Чэнь Чаншэн понимал их суть.

Эта буря изначально была началом нападения клана Тяньхай и новой фракции Ортодоксии против Попа, но она была намертво остановлена у врат Ортодоксальной Академии. Было лишь естественно, что Дворец Ли хранил свое молчание.

Поп подошел к своему стулу и указал, чтобы Чэнь Чаншэн присел: «Кроме того, это возможность».

Это были простые и еще более неопределенные слова, но Чэнь Чаншэн понимал.

Если нападение клана Тяньхай и новой фракции Ортодоксии могло быть ограничено до определенной степени, то для него и Ортодоксальной Академии это было невероятно ценной возможностью.

Так же, как и его духовное чувство было омыто в океане намерения меча и стало чище и более стойким, эти битвы позволят его мечу стать более сильным.

«Лишь таким образом ты сможешь повзрослеть так быстро, как это возможно», - сказал ему Поп с добрым взглядом.

Чэнь Чаншэн понимал лишь часть этого заключения. После его обсуждения с Тангом Тридцать Шесть это был единственный момент, в котором он не был уверен. Почему Поп выбрал этот метод, чтобы помочь ему созреть? Это казалось весьма торопливым. Если использовать слова Танга Тридцать Шесть, это было подобно вытягиванию растений у корней, чтобы помочь им расти.

Видя выражение его лица, Поп был весьма удивлен: «Я думал, что ты не будешь особо заинтересован в этих делах, что тебе все еще потребуется некоторое время, чтобы понять, иначе ты пришел бы ко мне еще раньше».

«Есть много вещей, к которым у тебя отсутствует интерес, но ты все еще должен учиться. Так как ты не можешь избежать этого... это слова, которые Танг Танг сказал мне», - ответил Чэнь Чаншэн.

Танг Тридцать Шесть сказал ему: «Так как ты собираешься стать Попом, ты должен изучать эти на вид неинтересные вещи. У тебя должна быть своя команда, как, например, Ортодоксальная Академия».

Он смог понять все из предыдущих утверждения Попа потому, что Танг Тридцать Шесть уже провел подобный анализ.

Теперь, как казалось, все выводы Танга Тридцать Шесть были верными.

«Ты получил очень хорошего друга, - Поп казался весьма эмоциональным, - когда я узнал его дедушку, мы были приблизительно твоего возраста. Только вот из-за некоторых вещей у меня и его дедушки появились различные мнения, естественно, сделав невозможным сохранение этой дружбы. Он вернулся в Вэньшуй, я вошел во Дворец Ли, и в мгновение прошло так много лет».

Несколько дней назад, когда он смотрел, как Мо Юй и Танг Тридцать Шесть общались, Чэнь Чаншэн получил понимание так называемого верхнего слоя общества, но он все еще не мог представить, что Поп и Старый Глава клана Танг однажды были настолько близкими.

«Так как ты не приходил в последние несколько дней, я думал, что ты не появишься в течение некоторого времени. Почему ты вдруг пришел сегодня вечером?» - спросил Поп.

Ортодоксальная Академия уже пережила наиболее трудный период. Если она не просила помощи Дворца Ли в то время, было еще меньше причин просить ее сейчас.

«Я был в поместье Божественного Генерала Востока, - объяснил Чэнь Чаншэн, - я хотел разорвать помолвку, но та сторона всегда откладывала, так что я прошу помощи Боевого Дяди, чтобы непосредственно убраться отсюда».

Поп осознал, что его лицо было очень серьезным. Он спросил с немного странным видом: «Ты знаешь, какое значение имеет это бракосочетание?»

Чэнь Чаншэн в прошлом определенно поверил бы в историю, которую рассказывал ему учитель: Дедушка Сюй Южун представлял Императора Синя в принесении жертвы горам, а затем попал в засаду и был тяжело ранен великим генералом демонов. Даже имперские врачи были бессильны исцелить его, но его учитель Даосист Цзи как раз был в этой местности. Мужчина был исцелен с помощью его магических рук. Великий Министр на радостях решил эту помолвку. Но сейчас юноша осознавал, что у этой помолвки определенно были какие-то скрытые мотивы.

В конце концов, его учитель был не просто Даосистом Цзи, а также Директором Шаном, наиболее могущественным врагом Божественной Императрицы.

«Что бы не значила эта помолвка, это никак не относится ко мне».

Если бы обычный юноша сказал подобную вещь старейшине, их слова были бы наполнены ребяческим и смешным чувством, вспыльчивым чувством, которое заставляло других прикрывать свои носы, когда это действительно были лишь эгоизмом и бесцеремонностью. Но когда эти слова прозвучали изо рта Чэнь Чаншэна, в них не было никаких из этих проблем. Он говорил очень спокойно и очень убедительно. Разница была в том, что обычный юноша часто не понимал, что значила ответственность, тогда как он очень серьезно обдумал это, прежде чем убедиться, что это не была ответственность, которую он должен был нести на своих плечах.

Жизнь и смерть были его собственным делом, свадьба была его собственным делом, иметь детей или нет было его собственным делом, и как воспитывать детей тоже было его собственным делом. Чэнь Чаншэн не разбирался в этих вещах в своей голове, а лишь естественным образом делал вещи в такой манере, или, возможно, это было потому, что он всегда культивировал Дао следования своему сердцу, а предыдущие четыре момента были самыми низкими из требований его сердца.

Поп вновь спросил его: «Ты не будешь сожалеть об этом в будущем?»

В этих его глазах, которые были широкими и безграничными, мелькнуло глубокое ощущение, как море звезд.

Чэнь Чаншэн не заметил этого: «Не буду».

Поп спокойно взглянул на него: «Очень хорошо».

Прежде, чем Чэнь Чаншэн ушел, он спросил: «Возможно ли не сражаться?»

Он, естественно, говорил о том событии, которого ждали люди... битве между ним и Сюй Южун. Согласно новостям, которые слышал Танг Тридцать Шесть, говорится, что Тринадцать Отделений Зеленого Сияния уже приготовили письмо вызова, и его написал великий ученый Королевского Двора. После его сегодняшнего визита в поместье Божественного Генерала Востока он стал еще больше симпатизировать той девушке, которую ему еще предстояло встретить. Теперь, когда он получил согласие Попа, чтобы разорвать помолвку, он почувствовал, что было еще меньше причин устраивать этот бой.

«Мы оба культивируем Дао следования сердцу. Пока ты желаешь этого, то, конечно же, все в порядке. Даже если другая сторона желает этого, ты все еще можешь избежать этого».

Поп поднял деревянную лейку из бассейна воды и продолжил медленно поливать Зеленый Лист. Он медленно сказал: «Если ты сможешь сам согласиться с этим, то твой выбор действительно будет согласован с желанием твоего сердца».

Чэнь Чаншэн взглянул на спину Попа. В этот раз действительно можно было сказать, что он понимал. Он знал, что эти слова содержали другой глубокий смысл.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/136332>